

ЧЕРНАЯ МЕССА

С. А. Куспысь

На то она
и жизнь

Киев
2020

**УДК 821.161
К94**

Серия «Черная месса»

Куспысь С. А.

К94 На то она и жизнь : роман. — Киев : Издательство Лира-К, 2020. — 364 с.

ISBN 978-617-7910-10-6

«На то она и жизнь» — первая книга трилогии «Черная месса». Главная героиня с отличием заканчивает престижный юридический ВУЗ, и впереди у нее блестящая карьера научного сотрудника.

Личная трагедия ломает ее планы, и она вынуждена покинуть родной город. На новом месте, работая следователем, она распутывает клубок замыслов опаснейших преступников, и даже не может представить, что ей самой придется столкнуться с загадочными событиями, корни которых тянутся в далекое прошлое...

Автор предупреждает, что все события в книге вымышленные и любые совпадения с реальными лицами является чистой случайностью.

УДК 821.161

ISBN 978-617-7910-10-6

© Куспысь С. А., 2020

© Издательство Лира-К, 2020

ЧАСТЬ I

Глава I

Она проснулась рано утром. Летнее солнце несмело уже золотило комнату. Не было сил двигаться. Устало откинув одеяло, Александра Милеева подошла к зеркалу и безразлично поправила волосы. На нее смотрело бледное лицо с глубокими кругами вокруг глаз. Не она первая и не она последняя... Самая банальная история. Стара, как мир. Обманутая женщина. Не Бог весть что. Так было, есть и будет. Господи, но почему все-таки это случилось именно с ней? Александра зашла в комнату к пятилетнему сыну.

— Андрюша, поднимайся. Нам пора.

Мальчик забавно потянулся.

— Мам, а папа едет с нами?

— Нет, сынок, — и чтобы прекратить дальнейшие расспросы, добавила. — Мы можем опоздать на поезд. Собирайся.

Провожать их никто не приехал. Надежда Сергеевна, мать Александры, была обижена на дочь за решение уехать из родного города. Никого из друзей Александре самой видеть не хотелось. В последний раз окинув глазами комнату, Александра взяла чемоданы и подошла к двери. Завтра в квартиру вселятся новые жильцы. Чужая атмосфера. Чужие судьбы. Сердце болезненно сжалось. А впереди была только неизвестность...

Глава 2

Со своим мужем Славой, на тот момент мальчиком из параллельного класса, она познакомилась в пятнадцать лет, и с того времени они уже не расставались. Их тянуло друг к другу, как магнитом. Это были две полные противоположности. Она стройная, от природы светловолосая, с совершенно белой кожей. Он смуглый, черноволосый, коренастый. Она образцовая ученица.

Его родителей без конца вызывали в школу по поводу поведения. Одинаковым у них был только цвет глаз — зеленый.

С того времени, когда Слава стал встречаться с Александрой, он превратился в образцового ученика, чем немало удивил преподавателей.

Свой выбор профессии Александра сделала еще в шестом классе. И с тех пор сомнений у нее не возникало.

После окончания школы она заявила, что поступает в юридический институт. Учителя только сомнительно кивали головами. Они знали, что у Александры отца нет. Мама работает на заводе простым инженером. Деньги и связи в правоохранительных органах отсутствуют.

Слава никогда ей не перечил:

— Сашка, если бы ты поступала в школу для клоунов, я и там был бы с тобой.

Александра поступила в институт только после второй попытки, а Слава вместе с ней после окончания службы в рядах Советской Армии. Судьба не разлучила их даже в этом.

В брак они вступили, не задумываясь, без свадебных нарядов и пышных церемоний. Александра приехала к нему в часть, и они расписались в районном ЗАГС. Родителей поставили уже перед фактом. Свадебным подарком Славика был портрет Александры, выжженный по дереву, который мало чем отличался от оригинала. Сын Андрей родился через девять месяцев, удивив своих родителей точностью появления на этом свете и абсолютным повторением внешности своего отца.

Они прожили вместе шесть лет. Александра успешно совмещала учебу в институте и семью. И то и другое ей было одинаково дорого и интересно. Не раз преподаватели после сдачи экзамена дарили ей цветы, ставя в пример другим однокурсникам.

Ей казалось, что муж ею очень гордится. Сам он сдавал экзамены с трудом, и она старалась помогать ему, как могла. Когда Александра прибежала к нему и с сияющими глазами в очередной раз показала свою зачетку, он сказал:

— Ну ты ж, Сашка у нас особенная. Куда мне до тебя.

Александра с этим была не согласна. Просто ему учиться было не так интересно, как ей. Она не забыла, почему он выбрал именно этот институт. И готова была простить ему все.

Выпускные экзамены подходили к концу. Не было сомнения, что Александре вручат диплом с отличием и она останется на кафедре уголовного права. Лето было в полном разгаре. В мае ей отпраздновали двадцать шесть лет, и казалось, что ее счастье ничто не может омрачить. Стояла середина июня, но в метро еще продавали ее любимые пионы: розовые, белые, бордовые... Более счастливого человека в те дни встретить было невозможно. В ее душе царил полная гармония, и любовь к жизни переполняла всю ее сущность.

Звонок раздался в субботу вечером:

— Это звонят вам от Славика. Он не приедет. У меня от него будет ребенок.

Славик приехал. Но отрицать ничего не стал. Александра могла собрать ему вещи.

В воскресенье Александра сдала последний экзамен. В понедельник была у ректора института и просила распределения в другой город. Выразив недоумение, он все-таки пообещал помочь.

Следующие несколько недель ушло на оформление развода. Распределение она получила во Львов на должность следователя управления транспортной милиции. На выборную должность судьи не потянула ее автобиография из заполненной графой “Семейное положение — разведена”.

Шел 1986 год, и жизнь в родном Харькове была позади.

Глава 3

Начальник следственного отдела управления транспортной милиции полковник Ружевский Сергей Александрович слыл легендой среди своих сотрудников. Одни уважали его, другие боялись, третьи перед ним заискивали. Но никто не оставался к нему равнодушным. Ружевский олицетворял Закон. Без всяких компромиссов. В восьми-десятые годы коррупция в правоохранительных органах еще так не процветала, взятки, если и брали, то потихоньку, оглядываясь. И была беда, когда такие факты доходили до ушей Ружевского. Оперативники знали, что если в следственный отдел доставили подозреваемого с телесными повреждениями, без внимания это

не останется. Если виновником был сотрудник милиции, материалы проверки передавали в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. Служить под началом Ружевского было тяжело, но следователи, которые работали с ним, становились профессионалами.

Так обстояло дело, когда Александра переступила порог кабинета начальника следственного отдела. Ее встретил подтянутый, спортивного телосложения, средних лет мужчина. Форма сидела на нем безукоризненно. Лицо было умное, волевое, глубокие серые глаза — внимательными и строгими. Ее личное дело лежало у него на столе.

— Почему вы решили работать в милиции?

Александра обреченно опустила глаза. Не будет же она рассказывать незнакомому человеку, что готова была работать не только в милиции, только чтобы не оставаться в родном городе, где ей все напоминало о единственном любимом человеке в ее жизни, который был для нее потерян, что боль разъедает ее душу, что еще совсем недавно ее ждала карьера научного сотрудника, что ее фамилия значится на доске почета одного из самых престижных вузов страны и что ей даже в самых страшных снах не снилось, что она будет носить милицейскую форму.

Вопроса Ружевский не повторил.

— Приступайте к работе. Завтра вы получите свое первое дело. Справитесь, хорошо. Нет — в комиссии по делам несовершеннолетних можно всегда найти вакантное место.

Александра попрощалась и вышла из кабинета. Начало было многообещающим.

Подозреваемого привели в пять часов вечера. Это был студент пятого курса политехнического института, татарин, житель Таджикистана.

По оперативным данным ОБХСС во Львове действовала хорошо отлаженная система по распространению книг Анны и Сержа Голон “Анжелика”. На прилавках магазинов эту книгу было днем с огнем не сыскать, а на руках можно было купить за 25—30 рублей, при значительно меньшей государственной цене. Причем книги распространялись в больших количествах на протяжении года. Но сбытчики были неуловимыми. И вот возле памятника Адаму Мицкевичу в центре был задержан Адик Исмаилов при продаже книг двум покупателям. Объяснения свидетелей сотрудникам

милиции были старательно проанализированы, протоколы задержания и изъятия книг у Исмаилова оформлены с соблюдением всех норм уголовно-процессуального права. Невооруженным глазом было видно, что материалы в следственный отдел на “ура” не передавались.

Александра внимательно перечитала материалы, возбудила уголовное дело и оформила постановление о проведении обыска по месту жительства подозреваемого.

На допросе Исмаилов вел себя холодно и враждебно. Каждое слово Александра из него вытягивала с трудом. На чистосердечное признание рассчитывать не приходилось. Он признавал только то количество книг, которое было изъято сотрудниками милиции в момент задержания.

Через два часа вернулся с обыска лейтенант милиции Виктор Игнатенко. Лицо его было серьезным и озабоченным. В квартире подозреваемого ничего не нашли.

Александра задумалась. Через несколько минут она зашла к подозреваемому и спросила:

— Исмаилов, у вас в квартире был проведен обыск. Вы меня обманули.

Она рисковала. Никто за этот фарс ее по голове не погладил бы. Но он побледнел и выдал:

— Это книги не мои. Один знакомый попросил, чтобы они лежали у меня. У него дома места нет.

— У вас есть возможность все рассказать.

Александра старалась скрыть напряжение.

— А что я буду рассказывать? Его зовут Сергей. Где живет не знаю, фамилии тоже не знаю. Книги положил в подвале. Несколько книг он разрешил мне продать.

Врал он не задумываясь. Но книги все-таки у него были. На повторный обыск Александра выехала сама, захватив с собой Игнатенко.

Подвал был пуст. Книг уже на месте не было. Жена Исмаилова и ее мать после первого обыска успели все вынести и теперь делали вид, что не знают, о чем идет речь. Но повторный обыск даром не прошел. Александра нашла пачку писем, адресованных Исмаилову, и несколько неотправленных писем подозреваемого к своей матери в Душанбе, где он с упоением описывал ей свои

интимные связи с женщинами, а заодно давал ей отчет, сколько книг пустил в реализацию. В письмах не были упомянуты только люди, занимающиеся скупкой.

Когда Александра с Игнатенко освободились, стояла глубокая ночь. А следствие по делу только начиналось.

Ружевский в ход следствия не вмешивался. Иногда заходил в кабинет, когда Александра допрашивала очередного свидетеля, и поприсутствовав несколько минут, молча выходил.

По делу Александра далеко не продвинулась, хотя Игнатенко старался, как мог. Из виду не упускалась ни одна версия. Он недавно закончил школу милиции, и это дело, как и у Александры, было его первым. Работать с ним было интересно.

Книги высылала Исмаилову мать из Душанбе. Почти во всех отделениях почтовой связи были изъяты корешки, по которым он получал посылки с книгами серии “Анжелика” издательства “Ирфон”.

Александра понимала, что во Львове действует целая сеть реализаторов, что сам Исмаилов не мог сбыть такое большое количество книг. Речь шла о больших деньгах, и было件件но, что кто-то покупает книги у Исмаилова большими партиями, делая на этом незаконный бизнес. Его погубила жадность. Однозначно, что оптовым покупателям он продавал книги по значительно меньшей цене, чем отдельным лицам, но фамилий оптовиков он не называл. Почему? Ведь количество проданных книг следствию было уже доподлинно известно. По его письмам и корешкам извещений была назначена почерковедческая экспертиза, и отрицать это было бессмысленно.

Чего боялся Исмаилов?

К Александре часто заходил заместитель начальника следственного отдела Милешевич, который невзлюбил ее с первого дня.

— Деточка, тебе бы работать в Доме моделей, а не дела расследовать. Чего ты так стараешься? Заканчивай дело и отправляй в суд.

Если бы Александра пожаловалась Ружевскому на поведение Милешевича, головы бы ему не сносить. Но “стучачей” в милиции не любят. Коллеги обходили бы ее стороной и не вели бы при ней никаких разговоров. Жаловаться начальнику в милиции — “табу”,

и Александра молча сносила все колкости Милешеви́ча. Поддерживал ее только Виктор.

— Да, ладно, Саша, не обращай внимания. Дело постараемся сдать по всем правилам.

Разрядку она получала только дома, общаясь со своим сыном. Андрюша как-то резко повзрослел, перестал задавать маме много вопросов. Про папу он вообще не спрашивал. Своей безошибочной детской интуицией Андрюша понял, что в их жизни с мамой что-то произошло, что они уже не вернуться туда, где были так счастливы, и уже не вернуть их родной город, улицу с густой дубовой аллеей, где родным казался каждый кустик, каждый изгиб дороги, квартиру на девятом этаже, где папа любил его, катал на себе верхом, задаривал подарками. Он осознал окончательно, что папы с ними уже не будет. Не будет никогда.

Александра чувствовала эту перемену в ребенке и отдавала ему всю нежность своей души, на которую была способна. Вечером, перед сном, она читала ему сказки, рассказывала разные интересные истории, которые могли заинтересовать пятилетнего мальчика, так они вместе и засыпали, отчаянно спасаясь от одиночества...

Но перелом в ходе следствия все-таки произошел. Вечером, когда Александра пришла за сыном в садик, воспитательница строго сказала:

— Если вы хотите, чтобы вашего сына забирали знакомые, предупредите. Мы детей отдаем только родителям.

Александра не сдвинулась с места. Побледнев, она смотрела на пожилую, симпатичную женщину.

— Кто приходил за Андрюшей? — чуть ли не шепотом спросила Александра.

— Он не представился. Сказал, что вы заняты и попросили его забрать сына.

Из дома она позвонила Ружевскому. Было поздно, но он еще был на работе. Выслушав ее, он сухо ответил:

— Пишите рапорт. Завтра я вас жду.

Ружевский этой ночью не спал. Он хотел принять решение. Перед тем, как Милеева появилась у него в кабинете, он знал про нее все. В его отдел люди просто так не попадали. Он не ограничился ее личным делом. Данные этой молодой женщины были

блестящими. Характеристики, диплом, детальные проверки ее и ближайших родственников лучшего не желали. Но все-таки Ружевский не ограничился проведением формального опроса соседней Милеевой местным участковым. Его сотрудник, который занимался подбором выпускников для работы в следственном отделе, лично съездил в Харьков и побывал в доме, в котором она проживала, и опросил соседей сам. Как ни странно, но у нее не оказалось даже завистников. При ее внешних данных это было просто противоестественно. Но Ружевский был хорошим психологом. Он понял, почему: брошенная женщина вызывает жалость. Были и те, которые говорили о ней с искренним сочувствием. Это были люди, прожившие вместе с ней на лестничной площадке много лет. Правда, они так и не поняли всего до конца. Это была дружная семья, и их развод был для них полной неожиданностью. На этом Ружевский поставил точку. Александра вполне ему подходила. Ну, а развод — это дело житейское. Она молодая, и при желании выйти замуж проблемы не составит.

Когда Милеева появилась у него в кабинете, он понял, что ошибся. За время работы следователем перед ним прошло много судеб. В ее зеленых глазах было столько тоски и растерянности, что ему стало не по себе. Для нее развод — не житейское дело. Это трагедия. Милеева была сломлена и для следственной работы не подходила. Но он дал ей шанс. Поживем, увидим.

С момента принятия Милеевой дела Исмаилова в свое производство, он не переставал его контролировать. Делал это незаметно, не хотел опекать молодого следователя, давая ей возможность почувствовать свою самостоятельность и окрепнуть, хотя начальник управления и его заместитель по следствию Милешевич не раз настаивали на том, чтобы дело передали в производство более опытному следователю. У Ружевского на это был один весомый аргумент: если бы не Милеева, письма Исмаилова по сегодняшний день покоились где-нибудь в укромном уголке, и преступление до конца раскрыто не было бы. Был еще один аргумент, если у Милеевой забрать это дело, она, как следователь, может быть, уже не состоится. Но этот аргумент скорее человеческое проявление Ружевского, и в расчет никем не был принят.

Когда следствие продвинулось дальше, он понял, что это уже не рядовое дело, что Милеева затронула хорошо отлаженную

преступную группу по сбыту книг. Во Львове было много желающих, готовых отдать любые деньги за книгу. Именно этой категорией людей занимались сейчас оперативники, рассчитывая через них выйти на сбытчиков, но это были, очевидно, люди опытные, иначе они давно находились бы под следствием. И еще было подозрение, что кто-то контролирует это дело, кроме него. Исмаилов молчит, несмотря на собранные доказательства. Кто-то ему обещает помочь, и этот кто-то имеет к нему доступ.

После звонка Милеевой подозрение перешло в уверенность. По всей вероятности никто ее сына не стал бы похищать. Это было хорошо спланированное предупреждение, которое должно было сломать Александру, и не дать ей возможности копать глубже.

Он вздохнул. Неужели дело у Милеевой придется забрать? А если это все-таки было не предупреждение, и ее сыну действительно угрожает опасность? Да, и может ли он до конца доверять этой женщине, учитывая ее психологическое состояние? А если и может, то имеет ли право рисковать? Вопросов было много. Ответа не было ни на один из них.

Глава 4

Александра пришла на работу раньше обычного. Вынула папку с материалами из сейфа и еще раз перечитала их. Когда в таких случаях хотят отправить дело в суд, дают письменное поручение оперативникам на установление лиц, занимающихся сбытом, получают формальный отрицательный ответ, выделяют материалы в отдельное производство, и обвиняемый предстает перед судом. И овцы целы, и волки сыты.

Она взяла дело Исмаилова и зашла в кабинет Ружевского с заранее подготовленным рапортом о вчерашнем происшествии.

Ружевский внимательно ее слушал.

— Сергей Александрович, разрешите мне выехать в Таджикистан. Здесь отдельным поручением не отделаешься. Мать Исмаилова проходит по делу как соучастница. Стоит вопрос о привлечении ее к уголовной ответственности. Она высылала Исмаилову книги, но их источник мы можем установить только на

месте. Исмаилов молчит, а оперативники работают над установлением лиц, которые приобретали у него книги. За время моего отсутствия может что-то проясниться. Андрюшу я возьму с собой.

Полковник набрал номер телефона.

— Людмила Николаевна, зайдите, пожалуйста.

План ему понравился. В Душанбе хотели командировать сотрудников ОБХСС, но будет эффективнее создать следственно-оперативную группу, которую возглавит Милеева. Он с симпатией посмотрел на Александру. Она справится. И, самое главное, он не почувствовал паники. Решение было принято верное и заслуживало уважения.

В кабинет зашла симпатичная женщина среднего роста, с добродушным выражением лица.

— Людмила Николаевна, вы уже знакомы с нашей новой сотрудницей. Она уезжает в командировку. Я прошу вас на время забрать ее сына к себе. С заведующей ближайшего от вашего дома детского садика я договорюсь сам. Но об этом должны знать только присутствующие в кабинете.

Ружевский повернулся к Александре:

— Чем быстрее вы справитесь, тем лучше. А тут ваш сын будет присмотрен и в безопасности.

Ее сердце наполнилось благодарностью. Людмила была единственной женщиной, с которой успела подружиться Александра. Она жила вместе с дочерью в трехкомнатной квартире и симпатизировала ее Андрюше.

На следующий день Александра вместе с тремя оперативными сотрудниками вылетела в Душанбе.

Глава 5

Они прилетели рано утром. Еще было темно. Воздух благоухал запахами незнакомых растений. Александра зажмурила глаза. На миг показалось, что события, происходящие с ней, только сон, что в конце концов она очнется в своей квартире, в своем родном городе, где будет все, как прежде. Болью полоснуло сердце. Не надо вспоминать. Все в прошлом. Раз и навсегда.